

ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА КУЛЬТУРЫ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИРОНИИ В ФИЛОСОФИИ И ЭСТЕТИКЕ

З.А. Заврумов

Пятигорский государственный лингвистический университет
пр. Калинина, 9, Пятигорск, Россия, 357503

В статье рассматривается возникновение и развитие иронии, а также ее функционирование в дискурсе. Автор прослеживает многовековое развитие иронии как общекультурного явления и приходит к выводу, что сущность категорий, объединяемых термином «ирония», становится более ясной при обращении к истории развития представлений об иронии в европейской философии и эстетике. Идеи, выдвинутые учеными в разные исторические эпохи, продолжают оказывать влияние на современные лингвистические и когнитивные теории иронии. Именно поэтому рассмотрение иронии в философской и эстетической парадигмах и изучения процесса формирования представлений о ней представляется весьма продуктивным.

Ключевые слова: ирония, философская и эстетическая парадигма, дефиниции иронии, лингвокогнитивные механизмы, лингвокультура

Введение

Имея длительную историю изучения, ирония, однако, не имеет такой дефиниции, которая могла бы непротиворечиво объяснить специфику ее возникновения и функционирования в тексте и дискурсе. Разумеется, отсутствием такого единого определения объясняются и весьма расплывчатые границы явлений, которые традиционно включаются в сферу иронии, а также обширное количество трактовок этого многоуровневого феномена. Ирония зачастую воспринимается как риторический троп, что свидетельствует об «инструментальном» отношении к ней. Кроме того, исследователи сосредоточивают свое внимание на описании дифференциальных признаков вербализации иронии, в то время как выход из создавшейся ситуации видится в возможности изучения единых лингвокогнитивных механизмов продуцирования иронии, а также рецептивно-интерпретивной деятельности, «спровоцированной» ею. Подходы к изучению иронии, существующие в современной гуманитарной парадигме, нередко не имеют необходимой объяснительной силы. Такое положение дел предполагает, по всей видимости, поиск интегральных ее признаков, которые позволяют представите-

лям лингвокультуры квалифицировать различные случаи иронии как манифестирование одного и того же явления.

Многовековое развитие иронии как общекультурного явления приводит к тому, что сам термин приобретает «зонтиковый» характер: им обозначают и троп как явление риторическое, и особые ситуации (ср.: ирония истории, ирония, судьбы и пр.), и идеи, которые выдвигались в различные эпохи развития философии (ирония Сократа, романтическая или постмодернистская ирония). Ирония способна предопределить развитие самых разных ассоциаций, став основой для многообразных интерпретаций [22]. Многие дефиниции иронии определяют в качестве основного критерий «замены знака» как способа ее создания и понимания: «Ироническое высказывание — это метасуждение, модус которого, отрицающий или подвергающий сомнению пропозицию, т.е. исходное суждение, заменен противоположным модусом, эксплицитно или имплицитно (по умолчанию) подтверждающим это суждение» [3. С. 172]. На наш взгляд, приведенное выше определение эксплицирует распространенный подход исследования иронии, который характеризуется односторонностью понимания ее сущности: под иронией понимаются только те случаи, в которых пропозиция высказывания вступает в противоречие с действительностью. Тем не менее известно значительное количество случаев реализации иронии, которые квалифицируются носителями лингвокультуры как иронические, но не интерпретируются «от противного». Именно по этой причине Л. Анолли, характеризуя многообразие явлений, объединяемых термином «ирония», использует метафору семейного сходства — “the irony family” [13].

Однозначное определение границ понятия «ирония» отсутствует ввиду внешней, формальной, и внутренней, содержательной, разнородности иронических высказываний. Семантика и прагматика иронического дискурса обнаруживают известную сложность, которая тем не менее не получает четкого параметрирования, поэтому ирония понимается как «... умение ироника скользить по поверхности...» [5. С. 41] или «...метаязыковая игра, высказывание в квадрате» [5. С. 637], а в конечном счете — как «... ясное сознание вечной подвижности, бесконечно полного хаоса» [10. С. 360], «irony is inherently confusing. Not only are its definitions confusing; it is confusing by definition» [31]. Образность приведенных определений не приближает к пониманию механизмов продуцирования иронического дискурса, а также не дает ответов на вопрос, каким образом носитель языка/лингвокультуры распознает иронию в дискурсе/тексте [2].

Отсутствие четкости критериев параметрирования иронии, естественно, не позволяет структурировать дефиницию иронии, которая позволяла бы описывать все возможные формы ее репрезентации. Но В. Янкелевич указывает в этой связи, что «... если иронию нельзя определить, то присутствие ее от этого не становится менее самоочевидным... нельзя анализировать ее структуру, но можно, несомненно, описать ее движение и “повадки”; короче говоря, мы в состоянии вести разговор о качественных особенностях» [12. С. 28]. Сущность явлений, объединяемых термином «ирония», становится более ясной при обращении к истории развития представлений об иронии в европейской философии и эстетике. Идеи, выдвинутые учеными достаточно давно, продолжают оказывать влияние на современные лингвистические и когнитивные теории иронии. Именно поэто-

му рассмотрение иронии в философской и эстетической парадигмах и изучения процесса формирования представлений о ней представляется весьма продуктивным [12; 23; 24; 16; 17].

Диахронический взгляд на феномен иронии

Ирония занимает особое место в истории европейской культуры уже со времен античности. По всей видимости, ирония реализуется в текстах самых разных эпох задолго до того, как появляется сам термин: *Irony, though not the term, fills Homers and the Old Testament: in various forms it permeates Greek tragedy and comedy; Ovid's Metamorphoses is a handbook of irony as well as of mythology, and probably more meaningfully so; and the earliest Old English poems are replete with irony* [26. С. 210] (Ирония, хотя и не само понятие, наполняет книги Гомера и Ветхий Завет: в разных формах она проникает в греческую трагедию и комедию: «Метаморфозы» Овидия — это, возможно, справочник в большей степени по иронии, чем по мифологии; и самые ранние стихи, написанные на древнеанглийском, наполнены иронией). Онтологический статус иронии динамичен на протяжении веков: риторическая тактика ведения спора постепенно превращается в способ отношения к жизни, свойственный эстетической практике и мировоззрению романтиков XIX в. и постмодернистов XX в.

Ирония, ее природа и свойства осмысливаются в координатах философии и риторики до конца XIX века, и лишь в XX в. начинается постепенное формирование этических и филологических теорий иронии. Таким образом, рассмотрение иронии как понятия целесообразно начать с освещения ее характеристик в философской научной парадигме с тем, чтобы иметь возможность охарактеризовать трансформации представлений об этом феномене.

Возможности иронии и эффекты иронической коммуникации становятся актуальной исследовательской сферой уже во времена Сократа, который посредством притворного незнания побеждает в философских спорах своих оппонентов. Сократ в истории античности предстает в двух ипостасях: реальный человек, философ, который не оставил никаких текстов; персонаж античных комедий и диалогов. Платоновские «Диалоги» представляют идеализированный образ философа, что дает основания исследователям называть Сократа «суперчеловеком» [21]. Понимание иронии в античности происходит благодаря образу Сократа, разрабатываемому в комедии Аристофана «Облака», «Меморалии» Ксенофона, «Диалогах» Платона: здесь Сократ становится героем, меняющим маски (лжец у Аристофана и мудрец в роли простака в диалогах Платона). Оставив в стороне споры исследователей о степени достоверности образа Сократа [18], следует подчеркнуть, что эти тексты — единственный источник сведений о зарождении иронии в ее современном понимании.

Основу иронии Сократа составляет именно сомнение, на что указывает С. Кьеркегор: «В наше время много говорится о значении сомнения для науки; а ирония для частной жизни является тем, чем сомнение — для науки. И поэтому подобно тому, как ученые утверждают, что нет истинной науки без сомнения, с полным правом можно утверждать, что нет подлинно человеческой жизни без иронии» [4. С. 186]. Внешняя наивность Сократа позволяет ему подвергать со-

мнению истинность знаний своих собеседников, прежде всего, тогда, когда речь идет об этических ценностях. Риторические стратегии Сократа, которые являются определяющими для «Диалогов» Платона, становятся значимыми для европейской культуры, что зафиксировано и в современных словарях, например: “*Socratic irony* — ignorance as summed in order to entice others in to making statements that can then be challenged” (Oxford English Dictionary) (*Сократова ирония* — притворное незнание, побуждающее других делать утверждения, которые можно оспорить).

Эпоха Средневековья по большей части не располагает к применению иронии: сократова ирония как способ построения диалога неизвестна средневековым авторам и не связывается ими с самим явлением, хотя изредка упоминается в их трудах. В целом, ирония интересует философов в этот период гораздо в меньшей степени, нежели метафора и аллегория [23].

Невозможность иронии в Средние века может быть объяснена с помощью доминант этической системы эпохи, не позволявшей притворство и несерьезность [12]. Существует также мнение, что ирония была вполне допустима в средневековой культуре, однако не установлена та роль, которую ирония играет в этот период. Закономерно, что использование иронии ограничивается риторическими приемами, поэтому Средневековье характеризуется однозначным истолкованием понятия иронии как антифразиса. Именно с таких позиций рассматривают иронию Донат (*tropus per contra rium quod conatur ostendens*) и Исидор Севильский (*Ironia est sententi a per pronuntiationem contrarium habens intellectum*) [20. С. 4].

Исидор Севильский объясняет сущность иронии как притворство Говорящего («этот троп делается посредством остроумия или посредством обвинения, или посредством насмешки» [8. С. 56]), акцентируя внимание на прагматических характеристиках данного явления: «Ирония (*ironia*) — это когда посредством притворства умом стремятся не к тому, о чем говорят. Бывает же это, или когда мы хвалим то, что [на самом деле] хотим порицать, или порицаем то, что хотим похвалить» [8. С. 87].

Однако есть основания полагать, что ирония понимается в средневековой культуре и как специфическое отношение к жизни ввиду влияния этической системы христианства. Так, ирония неизбежна при попытке имитации божественного творения в произведении искусства, что одновременно предполагает постижение художником собственного несовершенства и тщетности попыток превзойти человеческую природу. Ирония в тексте может быть рассмотрена и как обнаружение иронического мировоззрения эпохи [26]. В этой связи возникает закономерный вопрос о возможности восприятия художниками Средневековья собственных произведений с позиций иронии, поскольку сама антиномия безграничности божественного и ограниченности человеческого, скорее всего, является результатом современного истолкования текстов рассматриваемой эпохи.

Ренессанс воскрешает образ Сократа, посредством которого в европейскую культуру возвращается античное понимание иронии. Именно переводы «Диалогов» Платона на латинский язык закрепляют ассоциации иронии с именем Сократа. Философы эпохи Возрождения полностью пересматривают античную традицию понимания иронии как притворства и лжи, оставляя за ней, однако,

средневековую трактовку иронии как риторического приема, которая дополнена вновь пониманием данного явления как стратегии ведения диалога. Такой ракурс позволяет выделить тонкую иронию (сократову, ее расценивают как достоинство) и агрессивную иронию, тем самым указывая на объем включенности иронических высказываний в тексты разных жанров. При том, что тонкая ирония квалифицируется в эпоху Возрождения как проявление остроумия, ее наличие в античных текстах затрудняет их интерпретацию: так, «Диалоги» Платона по причине применения Сократом иронии лишают их однозначного понимания, в то время как трактаты Аристотеля такой ясностью по преимуществу обладают.

Для Средних веков и Ренессанса характерно также отсутствие попыток классификации видов иронии, что является следствием однозначного понимания термина и явления. Исключение составляет, пожалуй, логический подход рамистов, избравших в качестве критериев типологии аристотелевскую классификацию противоположностей: разновидности иронии определяются отношениями различия, «противолежания», противоположности, противоречивости.

Ирония эпохи Просвещения традиционно связывается с именами Дж. Свифта и Вольтера. Зачастую ирония служит основой для манифестирования сатиры и сарказма как важных воплощений комического в их текстах. Так, Вольтер применяет иронию для акцентирования внимания читателей к негативным чертам жизни общества. Объект иронии для него — социальная «слепота» и лицемерие тех, кто по долгу службы должен олицетворять добродетель. Можно с уверенностью говорить об иронии эпохи Просвещения как инструменте этического воздействия. Дж. Свифт выражает в своих «Сказке бочки», «Скромном предложении» и «Путешествиях Гулливера» определенное ироническое мировоззрение, что позволяет связывать свифтовскую иронию не только с направленностью его сатиры, но и с системой взглядов писателя [28]. В этой связи «Путешествия Гулливера» могут быть расценены как реакция писателя на основополагающие идеи Просвещения: рационализм, рассмотрение мышления как совокупности логических законов подвергаются беспощадной критике в высказываниях разумного Гулливера и доведены в «Путешествиях Гулливера» до абсурда. Именно в этом исследователи видят авторскую иронию, распознаваемую современным читателем [17].

«Скромное предложение» строится на реализации абсурда: объект авторской иронии — сам повествователь, логические рассуждения которого вступают в известное противоречие с этической и аксиологической системами социума. Свифт указывает на этот конфликт, акцентируя внимание на острой проблеме: экономический прогресс, реализуемый без учета различных факторов, приводит, в конечном счете, к социальным противоречиям. Позднее ирония Свифта приобретает статус литературного приема, позволяющего автору актуализировать критику ситуации или образа. Такая «абсурдная» ирония получает следующее определение в современной литературоведческой интерпретации:

Эпоха романтизма привносит в понимание иронии новый оттенок: возникает романтическая ирония. Этим термином принято обозначать комплекс идей немецких романтиков. Ирония вновь приобретает категориальный статус в координатах романтизма, интерес к данному явлению связан с деятельностью йенских романтиков (бр. Шлегели, Л. Тик, К. Зольгер, Новалис). Э. Белер указывает точ-

ную дату, когда Ф. Шлегель вводит новое понимание иронии — это 1797 г.: «Философия — это подлинная родина иронии, которую можно было бы назвать логической красотой» [10. С. 282; 15. С. 73]. Так теория иронии включается в общую концепцию литературного творчества немецких романтиков: «Знаком дистанции между несовершенством и неполнотой объективированного замысла и совершенством идеального мира художника-гения является ирония. Она позволяла художнику быть свободным по отношению к тому, что он создал» [7. С. 22].

Безусловно, романтическая ирония восходит к античному пониманию несовершенства и противоречий внешнего мира [25], однако античность и эпоха романтизма представляют абсолютно разные ракурсы отношения к миру. Романтическая ирония индивидуалистична, что является следствием интереса романтиков к тайне, к личности художника, его внутреннему миру. Античная ирония, напротив, направлена во внешний мир, к тому же «...сократическая ирония оспаривала только пользу и достоверность науки о природе, романтическая же ирония в начале XX в. оспаривала само существование природы» [12. С. 11]. Ф. Шлегель определяет иронию через парадокс: «Ирония есть форма парадоксального. Парадоксально все, что одновременно хорошее и значительное» [10. С. 283]. Ирония создает основание для необходимого двойственного отношения к миру, через которое раскрывается его парадоксальность.

Поэтому романтическая ирония интерпретируется не только как риторический или стилистический прием, но и как способ философского отношения к миру и проявления творческой субъективности художника [25]. М.М. Бахтин в этой связи указывает, что «понятие романтической иронии, разработанное Ф. Шлегелем, предполагает победоносное освобождение гениального я от всех норм и ценностей, от своих собственных объективации и порождений, непрерывное «преодоление» своей ограниченности, игровое вознесение над собой самим. Ироничность есть знак полной произвольности любого состояния духа...» [1. С. 387]. С. Кьеркегор выделяет субъективность в качестве доминанты иронии [4]. Все это позволяет К. Коулбрук утверждать, что именно немецкие романтики подходят непосредственно к созданию теории иронии, рассматривая ее не только как риторический прием, но и как специфику мировоззрения [17].

В XX веке ирония становится объектом пристального внимания. Если ранее ее природа, свойства и специфика обсуждались в философских трактатах и учебниках риторики, а реализация происходила преимущественно в сфере искусства, то в XX в. формируются целостные теории иронии. Такой интерес к иронии обусловлен кардинальными изменениями в структуре общества, увеличением скорости получения и распространения информации, расширением сфер коммуникации и углублением ее потенциала. Рубеж XX—XXI вв. характеризуется распространением влияния иронии не только на сферу массовой коммуникации, но и на политический дискурс, интернет-дискурс, академическое общение. Вербальная ирония, интерпретируемая как «замена знака», не способна описать все многообразие явлений, что закономерно способствует актуализации исследовательского интереса к данному феномену. Современная гуманитарная парадигма характеризуется поливариативностью понимания иронии с позиций различных наук.

Границы понятия ирония в настоящее время расширяются, к тому же предлагаются иронические интерпретации текстов, что позволяет по-новому осмыслить культуру в целом. Так, К. Барб замечает: «Странные вещи происходят, когда изучаешь иронию. Кажется, чем больше я работаю с иронией, тем больше ее я вижу. Иногда практически все вокруг кажется ироничным. Время нашего собственного неведения (кажется, что прошлое часто идет рука об руку с неведением) делает всю нашу жизнь ироничной — отсюда классическая ирония судьбы. Поэтому многие произведения реинтерпретируются как ироничные, потому что теперь мы видим несоответствия там, где изначально их могло и не быть» [14. С. 12]. Реинтерпретации подвергаются, например, священные тексты: ирония становится отправной точкой в истолковании взаимоотношений Бога и героев Библии, позволяя бесконечно усложнять понимание текста [27].

Современные лингвистические, литературоведческие и когнитивные теории иронии во многом опираются на философское понимание данного феномена. Благодаря эпохе романтизма ирония получает мировоззренческий статус, являясь для постмодернизма отправной точкой в осмыслении окружающего мира, истории, текста. Поливариативность истолкования текста влечет за собой возможность включения иронической интерпретации в число таких вариантов. Иронический потенциал текста трактуется как результат отказа от тезиса о том, что «... язык при правильном его использовании способен рассказать правду о реальности» [9. С. 32]. Так ирония приобретает ключевой характер в эпоху постмодерна, вслед за романтиками понимающего ее как способ мировосприятия. Ирония мыслится как технология двойного кодирования реальности: высмеивая реальность, она продуцирует возможности для ее трансформации [9].

Теперь ирония становится достоянием разных семиотических систем — архитектуры, фотографии, музыки [19; 30], но доминантным остается вербальная ирония, т.к. данный феномен опирается, прежде всего, на использование языка.

Заключение

Ирония в использовании языка квалифицируется как разновидность игры, которая для постмодерна не ограничена только языком, но определяет личностное поведение. Ирония для У. Эко — игра, которая создает возможность переосмысления сказанного ранее и не требует при этом знания правил: «...можно участвовать в игре, даже не понимая ее, воспринимая ее совершенно серьезно. В этом отличительное свойство (но и коварство) иронического творчества. Кто-нибудь всегда воспримет иронический дискурс как серьезный» [11. С. 637].

Ирония выступает средством объединения языка и реальности и — одновременно — их разделения, что выдвигает на первый план понятие интерпретации, тем самым устанавливая приоритет адресата в этом процессе. Выбор модуса интерпретации — серьезного или игрового — определяет сам адресат, что сообщает понимающему иронию и, в целом, текста субъективный характер.

Философия постмодернизма определяет также отношение к ироническому тексту как полифоническому феномену, в котором сосуществуют и противопоставляются буквальный и имплицитный смыслы высказывания, а также изучение

интертекстуальной природы иронического дискурса (ирония-как-эхо в концепции Д. Спербера и Д. Уилсон).

Ирония как этическая универсалия связана с использованием языка, что позволяет определять ее как «...возможность играть, летать по воздуху, жонглировать содержанием, отрицая его или пересоздавая» [12. С. 12], как «... возможность, средство, отношение, образ искусства, особенность мышления» [6. С. 60—61]. Образность дефиниций детерминирована аксиологическим характером феномена, но никак не проясняет сложившуюся ситуацию изучения иронии в лингвистической парадигме.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- [2] *Казиева А.М.* К вопросу о диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии между ментальностью и языком // Гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 69—73.
- [3] *Козинцев А.Г.* Человек и смех. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 236 с.
- [4] *Кьеркегор С.* О понятии иронии. Логос. 1993. № 4. С. 176—198.
- [5] *Осиновская И.А.* Ирония и эрос. Поэтика образного поля. М.: РОССПЭН, 2007. 208 с.
- [6] *Паси И.* Ирония как эстетическая категория // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. М.: Наука, 1980. С. 60—83.
- [7] *Пивоев В.М.* Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т., 2002. 106 с.
- [8] *Севильский И.* Этимологии, или Начала в XX книгах. Кн. I—III: Семь свободных искусств / пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л.А. Харитоновой. СПб.: Евразия, 2006. 352 с.
- [9] *Харт К.* Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
- [10] *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
- [11] *Эко У.* Постмодернизм, ирония, занимательность // Имя розы. М., 1997. С. 635—640.
- [12] *Янкевич В.* Ирония. Прощение / пер. с фр.; послесл. В.В. Большакова. М.: Республика, 2004. 335 с.
- [13] *Anolli L.* “You’re a Real Genius!” Irony as a Miscommunication Design / L. Anolli, M.G. Infantino, R. Ciceri // Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication. Amsterdam: IOS Press, 2002. P. 141—164.
- [14] *Barbe K.* Irony in Context. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 206 p.
- [15] *Behler E.* Irony and the Discourse of Modernity. Washington: University of Washington Press, 1990. 154 p.
- [16] *Colebrook C.* Irony in the Work of Philosophy. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. 332 p.
- [17] *Colebrook C.* Irony. New York: Routledge, 2004. 195 p.
- [18] *Dubs H.* The Socratic Problem // The Philosophical Review. 1927. Vol. 36. No. 4. Pp. 287—306.
- [19] *Gerstel J.* Irony, Deception, and Political Culture in the Works of Dmitri Shostakovich // Mosaic. 1999. Vol. 32. Issue: 4. P. 35.
- [20] *Green D.H.* Irony in the Medieval Romance. New York: Cambridge University Press. 1979. 430 p.
- [21] *Griswold C.L.* Irony in the Platonic Dialogues // Philosophy and Literature. 2002. № 1. P. 84—106.
- [22] *Gurewitsch M.* The Ironic Temper and the Comic Imagination. Detroit: Wayne State University Press, 1994. 249 p.
- [23] *Knox D.* Ironia: Medieval and Renaissance Ideas on Irony. Brill Archive, 1989. 237 p.
- [24] *Knox N.* The Word Irony and Its Context, 1500—1755. Durham, NC: Duke University Press, 1961. 258 p.
- [25] *Mellor A.K.* English Romantic Irony. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 231 p.
- [26] *Reiss E.* Medieval Irony // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42, No. 2. Pp. 209—226.
- [27] *Sharp C.J.* Irony and Meaning in the Hebrew Bible. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 376 p.

- [28] *Tamura E. T.* Jonathan Swift's Satire and Irony // The Economic Journal of Takasaki City University of Economics. 2003. Vol. 46. № 3. P. 129—135.
- [29] *Thomson J.* Irony: a Few Simple Definitions. URL: http://www.ajdrake.com/e456_spr_03/materials/guides/gd_irony_def.htm (Дата обращения 10.01.2015).
- [30] *Zank S.* Irony and Sound: the Music of Maurice Ravel. University Rochester Press, 2009. 434 p.

Для цитирования: Заврумов З.А. Онтологический статус иронии в философии и эстетике // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 118—127.

THE ONTOLOGICAL STATUS OF IRONY IN PHILOSOPHY AND AESTHETICS

Z.A. Zavrumov

Pyatigorsk state linguistic university
KalininProspect, 9, Pyatigorsk, Russia, 357503

The article examines the emergence and development of irony, as well as its functioning in discourse. The author traces the development of age-old irony as a general cultural phenomenon and concludes that the essence of phenomena, united by the term “irony” becomes clearer by reference to the history of ideas about the irony in European philosophy and aesthetics. The ideas, that were significant for scientists of different periods of history, continue to influence on modern linguistic and cognitive theory of irony. That is why consideration of irony in the philosophical and aesthetic paradigms and the study of the formation of ideas about it seems to be very productive.

Key words: irony, philosophical and aesthetic paradigm, the definition of irony, cognitive mechanisms, linguistics culture

REFERENCES

- [1] Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. M.: Iskustvo, 1979. 424 s. [Bakhtin M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art, 1979. 424 p.]
- [2] Kaziyeva A.M. K voprosu o dialekticheskoy vzaimozavisimosti i vzaimovliyanii mezhdum mental'nost'yu i yazykom. *Gumanitarnyye issledovaniya*. 2012. № 2. S. 69—73. [Kaziyeva A. On the question of dialectical interdependence and interrelation between mentality and language. *Humanities research*. 2012. № 2. P. 69—73.]
- [3] Kozintsev A.G. *Chelovek i smekh*. Sankt-Peterburg: Aleteya, 2007. 236 s. [Kozintsev A. Man and laughter. St. Petersburg: Aletheia, 2007. 236 p.]
- [4] K'yerkegor S. O ponyatii ironii. *Logos*. 1993. № 4. S. 176—198. [Kierkegaard S. On the concept of irony. *Logos*. 1993. № 4. P. 176—198.]
- [5] Osinovskaya I.A. *Ironiya i eros*. Poetika obraznogo polya. M.: ROSSPEN, 2007. 208 s. [Osinovskaya I. Irony and eros. Poetics of imagery field. M.: ROSSPEN, 2007. 208 p.]
- [6] Pasi I. Ironiya kak esteticheskaya kategoriya. *Marksistsko-leninskaya estetika v bor'be za progressivnoye iskusstvo*. M.: Nauka, 1980. S. 60—83. [Feed I. Irony as an aesthetic category. Marxist-Leninist aesthetics in the struggle for progressive Art. M.: Science, 1980. Pp. 60—83.]
- [7] Pivoyev V.M. *Ironiya kak fenomen kul'tury*. Petrozavodsk: Petrozav. gos. un-t., 2002. 106 s. [Pivoyev V. Irony as a cultural phenomenon. Petrozavodsk: Petrozav. State. Univ., 2002. 106 p.]

- [8] Sevil'skiy I. Etimologii, ili Nachala v 20 knigakh. Kn. I-III: Sem> svobodnyk hiskusstv / Per. s latin., stat'ya, primech. i ukazateli L.A. Kharitonova. SPb.: Yevraziya, 2006. 352 s. [Sevil'skiy I. The Etymology, or the Beginnings in XX books. Books. I-III: The Seven Liberal Arts / Trans. from Latin., article, note. and indicators by L. Kharitonov. St. Petersburg: Eurasia, 2006. 352 p.]
- [9] Khart K. Postmodernizm. M.: FAIR-PRESS, 2006. 272 s. [Hart K. Postmodernism. Moscow, FAIR PRESS, 2006. 272 p.]
- [10] Shlegel' F. Estetika. Filosofiya. Kritika. M.: Iskusstvo, 1983. T. 1. 479 s. [Schlegel F. Aesthetics. Philosophy. Criticism. Moscow: Art, 1983. Vol. 1. 479 p.]
- [11] Eko U. Postmodernizm, ironiya, zanimatel'nost'. Imya rozy. M., 1997. S. 635—640. [Eco U. Postmodernism, irony, entertaining. Name of the Rose. M., 1997. Pp. 635—640.]
- [12] Yankelevich V. Ironiya. Proshcheniye: per. s fr.; poslesl. V.V. Bol'shakova. M.: Respublika, 2004. [Yankelevich V. Irony. Forgiveness: Trans. from French. Afterword. of V.V. Bolshakov. M.: The Republic, 2004. 335 p.]
- [13] Anolli L. "You're a Real Genius!" Irony as a Miscommunication Design. L. Anolli, M.G. Infantino, R. Ciceri. Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication. Amsterdam: IOS Press, 2002. P. 141—164.
- [14] Barbe K. Irony in Context. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 206 p.
- [15] Behler E. Irony and the Discourse of Modernity. Washington: University of Washington Press, 1990. 154 p.
- [16] Colebrook C. Irony in the Work of Philosophy. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. 332 p.
- [17] Colebrook C. Irony. New York: Routledge, 2004. 195 p.
- [18] Dubs H. The Socratic Problem. The Philosophical Review. 1927. Vol. 36. No. 4. Pp. 287—306.
- [19] Gerstel J. Irony, Deception, and Political Culture in the Works of Dmitri Shostakovich. Mosaic, 1999. Vol. 32. Issue: 4. P. 35.
- [20] Green D.H. Irony in the Medieval Romance. New York: Cambridge University Press. 1979. 430 p.
- [21] Griswold C.L. Irony in the Platonic Dialogues. Philosophy and Literature. 2002. № 1. P. 84—106.
- [22] Gurewitsch M. The Ironic Temper and the Comic Imagination. Detroit: Wayne State University Press, 1994. 249 p.
- [23] Knox D. Ironia: Medieval and Renaissance Ideas on Irony. Brill Archive, 1989. 237 p.
- [24] Knox N. The Word Irony and Its Context, 1500—1755. Durham, NC: Duke University Press, 1961. 258 p.
- [25] Mellor A.K. English Romantic Irony. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 231 p.
- [26] Reiss E. Medieval Irony. Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42. No. 2. Pp. 209—226.
- [27] Sharp C.J. Irony and Meaning in the Hebrew Bible. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 376 p.
- [28] Tamura E.T. Jonathan Swift's Satire and Irony. The Economic Journal of Takasaki City University of Economics. 2003. Vol. 46. № 3. P. 129—135.
- [29] Thomson J. Irony: a Few Simple Definitions. URL: http://www.ajdrake.com/e456_spr_03/materials/guides/gd_irony_def.htm (Дата обращения 10.01.2015).
- [30] Zank S. Irony and Sound: the Music of Maurice Ravel. University Rochester Press, 2009. 434 p.

For citation: Zavrumov Z.A. Ontologicheskij status ironii v filosofii i ehstetike [The ontological status of Irony in Philosophy and Aesthetics] Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 118—127. (In Russian)